

**СТИХИЯ БУНТА КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДОМИНАНТА
В ПАРИЖСКОМ ТЕКСТЕ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО
AN ELEMENT OF A REVOLT AS A LITERARY DOMINANT
IN THE PARIS TEXT OF R. I. ROZHDESTVENSKY**

Аннотация: Статья посвящена функционированию парижского текста в стихотворениях Р. И. Рождественского. Единство смысловой установки, в данном случае выраженной стихией бунта, является ключевой идеей определения этих произведений как элементов парижского текста русской литературы, в соответствии с концепцией, предложенной В. Н. Топоровым.

Ключевые слова: парижский текст русской литературы; шестидесятники; локус города; хрущёвская оттепель; Р. И. Рождественский.

Abstract: The article is devoted to the functioning of the Paris text in the poems by R. I. Rozhdestvensky. The unity of the main purpose which is expressed by an element of a revolt in the case under consideration is the key concept for attributing these literary works as elements of the Paris text of Russian literature of space in accordance with V. N. Toporov's original ideas.

Keywords: the Paris text of Russian literature; the Sixties; a locus of a city; the Khrushchev Thaw; R. I. Rozhdestvensky.

Р. И. Рождественский, наряду с Е. А. Евтушенко, Б. А. Ахмадулиной, А. А. Вознесенским и другими, принадлежал плеяде поэтов-шестидесятников, творчество которых стало феноменом оттепельной эпохи. Её широкий социально-политический фон, в отличие от времени «культы личности», был обогащён взаимодействием с западной культурой, что являлось, по мнению П. Л. Вайля и А. А. Гениса, одним из признаков наступления оттепели: «Чтобы Ренессанс 60-х состоялся, советской культуре нужно было открыть свою античность – свои прототипы. <...> Сталинская культура существовала в стилевом вакууме. Когда её границы стали рушиться, на растерявшегося зрителя и читателя обрушилось западное искусство разных эпох и направлений» [3, с. 43]. Знакомству с Европой способствовали заграничные поездки шестидесятников, которые под впечатлением от путешествий изобразили мир, «...отличный от норм советской культуры» [3, с. 43]. Важнейшим центром европейской культуры была Франция, что сделало её также центром притяжения советской творческой интеллигенции: «...первым из писателей своего поколения становится "выездным"» Е. А. Евтушенко [11, с. 525], в дальнейшем эта привилегия распространяется и на других. Р. И. Рождественский, один из лидеров «молодой поэзии»,

также бывал в Париже, посещение которого повлияло на создание текстов, являющихся, по нашему мнению, субстратными элементами единого парижского сверхтекста русской литературы и позволяющих изучить город как особое явление в семиотическом пространстве культуры.

Парижский текст русской литературы в произведениях авторов XVIII, XIX вв. и первой половины XX в. выступал объектом исследования в литературоведении, однако творчество поэтов-шестидесятников в этом контексте остаётся неизученным. В отечественной науке начало изучению локального текста положено в работах Н. П. Анциферова, в которых раскрывалась «душа Петербурга», воспринимаемого как «...самый конкретный культурно-исторический организм» [1, с. 29]. Типология текстов и внетекстовых связей рассматривалась в работах Ю. М. Лотмана, утверждавшего, что город, как и культура, – «механизм, противостоящий времени» [4, с. 213]. Особые субстратные элементы, формирующие локальный текст в его единстве и относящиеся к природной, материально-культурной, духовно-культурной сферам, и слова-«шиболеты» выделял В. Н. Топоров в фундаментальном труде, посвящённом петербургскому тексту русской литературы [10]. С целью определить функционирование парижского текста в творчестве поэтов-шестидесятников мы рассмотрели 4 стихотворения, написанных Р. И. Рождественским. Методология нашего исследования базируется на элементах, выделенных В. Н. Топоровым, поскольку они позволяют, по нашему мнению, добиться поставленной цели и рассмотреть локус города как сложного семиотического механизма.

Художественной доминантой в анализируемых нами произведениях Р. И. Рождественского становится стихия бунта, органично сочетающаяся со «...смелой гражданственностью, обострённым чувством эпохи» [8, с. 594], свойственных поэту, и «...суровой романтикой революции и гражданской войны» [3, с. 131], которые, соответствуя духу оттепельной эпохи, способствовали обличению мещанской пошлости, фальшивости и суетности мира.

Теме Гражданской войны посвящено стихотворение «Кладбище под Парижем». Первые три строфы обозначают конкретное художественное пространство: лирический субъект созерцает Сент-Женевьев-де-Буа, которое окрестили «русским кладбищем» за то, что оно стало последним пристанищем известнейших русских эмигрантов и участников Белого движения. Прикосновение «ладонью к истории» создаёт историческую ретроспекцию, которая была характерна для поэтики творчества шестидесятников: «Апелляции к образам гражданской были настолько обыденными, что даже у совершенно разных литераторов тех лет встречаются почти дословные совпадения», – в качестве доказательства этого тезиса П. Л. Вайль и А. А. Генис приводят цитаты из стихотворений Е. А. Евтушенко и Б. Ш. Окуджавы [3, с. 131]. Размышления лирического субъекта в стихотворении Р. И. Рождественского над пылкими устремлениями тех, кто пытался противостоять победившей советской власти («Как же хотелось им в Первопрестольную / Въехать однажды на белом коне!..» [7, с. 446–447]), заканчиваются констатацией свершившегося факта: «Не было славы. Не стало и Родины» [7, с. 447]. Утверждение автора, что «бывшие» стали «ничьими», в своё

время вызвало резкий протест со стороны эмигрантов, мнение которых разделила поэтесса Флорентина Болодуева, опубликовавшая в эмигрантском журнале «Часовой», издававшемся в Париже, стихотворение «...в ответ поэту Рождественскому» [2]. Однако лирический субъект в стихотворении «Кладбище под Парижем» чувствует неподдельную скорбь, сопереживая «белому воинству», чьи «...сны и молитвы, / Слёзы и доблесть» теперь похоронены «...вместе на Сент-Женевьев-де-Буа» [7, с. 446]. Амбивалентность образа кладбища, символизирующего одновременно конец земного существования и начало небесной жизни, поддерживает стихию бунта, окрашенного в романтические тона в контексте переосмысления темы Гражданской войны – «бурным периодом прошлого», соотносившимся с «кровавой эпохой» [3, с. 131]. Эсхатологический мотив смерти и трагического разрыва с корнями поддерживается культурно-протестантской антитезой: на Сент-Женевьев-де-Буа сходятся «русские буквы» и «французский погост» [7, с. 446]. Финал текста имеет примирительную интонацию: возникают образы берёзы как символа России («Полдень. Берёзовый отсвет покоя»), куполов и облаков, мчащихся над кладбищем «будто белые кони», словно отдавая дань памяти «бывшим», которые вдоволь познали «...муки свои и дороги свои» [7, с. 447]. В художественной организации этого текста также выделяются особые элементы природной сферы парижского текста русской литературы – дождь и влага, поддерживающие мотивы глубокой печали и тоски: «Камень дождями изрыт добела. <...> Влажные плиты травой прорастают» [7, с. 446].

Стихотворение «Париж, Франсуазе Саган» построено в форме письма-обращения, характерного для творчества Р. И. Рождественского. Автор использует приём иронического иносказания, что сближает его поэтику с поэтикой В. В. Маяковского [9, с. 207]. Указывая, что молодые люди называют одну из самых известных французских писательниц – его современницу Франсуазу Саган – «пророком» и «знаменем порока», он осмеливается задать «...нестранный вопрос: / кому вы / всё ж таки / лишние, / парни, / нарочно небрежные?» [5, с. 182–183]. В обличии «поколения Саган», освободившегося от прежних запретов, но уже отчаявшихся в попытках обрести истинное предназначение в послевоенной Франции, проявляется романтическая поэтизация Р. И. Рождественским людей, «...ведомых чувством долга» [8, с. 595], и протест против идеалов тех, кто лишён этого качества. Главной виновницей несчастий «...парней, / нарочно небрежных», девчонок, «...не слишком гордых, / грешных» автор признаёт писательницу, из-за доверия к творчеству которой молодые люди ощущают себя «лишними» [5, с. 183]. Несовпадение реалий жизни и принципов, утверждаемых искусством, приобретает трагический характер: «лишний» оказывается «не лишним в строю» [5, с. 184], в котором ему суждено погибнуть. Бунт «лишних» против жизни оказывается тщетным: «Небо застынет в глазах... / "Не надо... / Ведь я же / лишний..." – / успеет парень / сказать. / Но будет / грохотом танка / в землю / вдавлена фраза! / И всё оборвётся» [5, с. 185].

В стихотворении «Кое-что о всеобщей забастовке» персонифицированный Париж составлен из разнородных элементов, составляющих вещно-простран-

ственный мир стихотворения и объединённых семантикой принадлежности к локусу французской столицы. Стихией бунта охвачены едва ли не все: «Бастует Лувр, / стальные двери стиснув. <...> Над министерством / флаг повис / расслабленно» [6, с. 443]. Природные явления также олицетворяются, становясь участниками всеобщей забастовки: «Бастует солнце. / Дождь / заладил с вечера – / перемывает косточки бульварам» [6, с. 444]. Однако есть и те, кто противостоит повсеместному хаосу и продолжает работу: «Работает / особая полиция. / Работают кафе, / кинотеатры, / бармены, / проститутки / и политики» [6, с. 444]. Стихотворению придана ироническая окраска, подчёркиваемая заголовком с неопределённо-личным местоимением: Р. И. Рождественский, сообщая «кое-что о всеобщей забастовке», обращает как бы между прочим внимание на тех, кто не увлечён стихией бунта и исполняет свой долг, поскольку их деятельность не теряет значимости даже в сложившихся обстоятельствах. Кафе и кинотеатры, проститутки и политики выступают смысловым ядром данного стихотворения и являются элементами материальной и духовно-культурной сфер парижского текста в творчестве шестидесятников, формируя его в целостности и связанности.

Атмосферой царствующего хаоса проникнуто произведение «Гостиница на Рю-де-Сенн»: этот «добродушный дом» располагался в квартале, где шло «...непрерывное веселье – / безудержное, / как война!..» [7, с. 339]. Оппозиция «Париж – родина» («Мы жили здесь / почти как дома. / Как дома. / Только не совсем» [7, с. 339]), устойчивая в парижском тексте русской литературы, актуализируется по мере развёртывания сцен уличной жизни, наполненной выступлениями «...надменного мима», факира, который кричал, «...усмешкой дьявольской / сочась», «...ненакрашенной дамы» [7, с. 340]. Бессмысленность и фальшивость этого представления, обретшего характер фантазмагии, подчёркивается ироническим снижением образа факира: он «...стонал / в избытке чувств, / мерцал глазами с поволокой. / И от него / несло чуть-чуть / не адом, / а бензоколонкой...» [7, с. 340–341]. Об иллюзорности происходящего свидетельствует мотив сужения пространства: «И странную была земля, / где улицы – / теснее комнат...» [7, с. 341]. Главным виновником торжества безудержного веселья оказывается сам Париж: «Париж, / который "о-ля-ля!.. ". / Он пил и пел, / он жрал и ржал, / был / надрывающимся, ярким!» [7, с. 341]. Экспрессивная персонификация города, который «...жил, как будто всё пропало», позволяет определить Париж как город концентрический – это пространство, выступающее как «посредник между землёй и небом» [4, с. 209] и имеющее начало, но лишённое конца, по типологии Ю. М. Лотмана. В последней строфе возникает признак устремлённости вверх, который создаёт условие для объективного и беспристрастного созерцания действительности: образ-символ месяца, связанный с мирозданием, усиливает контрастное чувство мимолётности земной жизни перед лицом вечности.

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях Р. И. Рождественского гетерогенные элементы парижского текста объединены мотивами бунта, смерти, эсхатологического хаоса и беспредельности, связанных с городом-иллюзией и царством нескончаемого праздника – Парижем, ирреальность восприятия которого присуща всему парижскому тексту русской литературы.

Библиографический список

1. Анциферов, Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Н. П. Анциферов. – СПб. : Лениздат, 1991. – 335 с.
2. Болодуева, Ф. Русское кладбище / Ф. Болодуева // Часовой. – 1987. – № 668. – С. 24.
3. Вайль, П. Л. 60-е. Мир советского человека / П. Л. Вайль, А. А. Генис. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 368 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 703 с.
5. Рождественский, Р. И. Собрание сочинений : в 3 т. / Р. И. Рождественский. – М. : Художественная литература, 1985. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. Песни. 1951–1964. – 448 с.
6. Рождественский, Р. И. Собрание сочинений : в 3 т. / Р. И. Рождественский. – М. : Художественная литература, 1985. – Т. 2 : Стихотворения. Поэмы. Песни. 1964–1970. – 526 с.
7. Рождественский, Р. И. Собрание сочинений : в 3 т. / Р. И. Рождественский. – М. : Художественная литература, 1985. – Т. 3 : Стихотворения. Поэмы. Песни. 1970–1985. – 575 с.
8. Русские писатели 20 века : биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев ; редкол. : А. Г. Бочаров [и др.]. – М. : Большая российская энциклопедия : Рандеву-АМ, 2000. – 807 с.
9. Сипкина, Н. Я. Сатирические образы и приёмы в поэзии Р. И. Рождественского в сопоставительном аспекте с сатирой В. В. Маяковского / Н. Я. Сипкина // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – Т. 2, № 2. – С. 204–209.
10. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство-СПБ, 2003. – 616 с.
11. Чупринин, С. Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года / С. Чупринин. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 1192 с.